

ПУБЛИЙ ТЕРЕНЦИЙ, Адельфы. Введение и комментарии С. И. Соболевского. Изд-во АН СССР, М., 1954, 462 стр., цена 18 р. 60 к.¹

Известный эллинист проф. С. И. Соболевский выпустил в свет комментарий к комедии латинского комедиографа Теренция — «Братья». После предисловия в качестве введения С. И. Соболевский дает очерк истории греческой и римской комедии до Теренция вместе с развитием театральных представлений в Риме. Характеризуя творчество Теренция, С. И. Соболевский перечисляет особенности его языка и стихосложения с примерным метрическим разбором его стихов. Автор прослеживает судьбы комедий Теренция в Риме и потом в Западной Европе, останавливается на рукописях, изданиях и изучении Теренция в России. После введения следует латинский текст комедии «Братья» и подробный комментарий (стр. 123—373). Комментарий

¹ Доклад на Кафедре классической филологии МГУ 15 марта 1955 г.

посвящен истолкованию комедии, особенно ее наиболее трудных мест, иногда в связи с критикой текста. В нем главным образом отмечаются отличия языка Теренция от «классического» языка; автор останавливается и на чисто лингвистических замечаниях, разъясняя этимологию отдельных слов. Проф. С. И. Соболевский дает синтаксические и метрические наблюдения и интересные сравнения отдельных латинских выражений с русским языком; им привлекается также античный комментарий Доната. В качестве приложения помещен исполненный Ф. А. Петровским перевод отрывка из «Аттических ночей» Авла Геллия. Здесь сравниваются отдельные места комедий Менандра с комедией Цецилия «Ожерелье», что дает представление об отношении римской комедии к греческим оригиналам. В конце книги дан русский стихотворный перевод комедии «Братья», принадлежащий А. В. Артюшкову. Этот перевод, не отличающийся большой точностью, все же может дать общее представление о разбираемой комедии. В книгу включены иллюстрации к комедиям Теренция из Ватиканского списка IX и XI вв. и, в частности, к комедии «Братья» из Амброзианского списка X в.

Разбираемая комедия привлекала к себе внимание зарубежных и русских ученых. Ее переводили и комментировали акад. Ф. Е. Корш и акад. М. М. Покровский¹. В этом отношении С. И. Соболевский имел многих предшественников. Причиной выбора именно этой комедии он приводит два соображения: эта комедия имеет литературные достоинства и с комментариями никогда не издавалась на русском языке. Однако, как мне кажется, С. И. Соболевский должен был отметить и другое соображение: эта комедия посвящена весьма актуальному вопросу в Риме II века до н. э. — проблеме воспитания. Как известно, эта проблема с разных точек зрения обсуждалась в древнем Риме в связи с начавшимся разложением римской патриархальной семьи и изменявшимися отношениями отцов и детей. Вопрос о воспитании ставил уже Плавт в комедии «Вакхиды», отчасти Цецилий, а также Теренций в более ранней своей комедии «Неаутонимос» («Сам себе мстящий»). Но если Теренций старался проводить в своих комедиях либеральную греческую идею гуманного воспитания, основанного на дружбе, то консерватор Катон отвергал всякие либеральные теории греков и написал свои наставления сыну («Ad filium») в староримском духе. Это обстоятельство делает нашу комедию Теренция особенно интересной и необходимой в русском комментированном издании. К сожалению, в этом издании комедия названа «Адельфы»; проф. С. И. Соболевский предпочел руссифицировать греческое название вместо того, чтобы дать в русском переводе — «Братья» передающее его латинское название («Adelphoe»). В книге представляется излишним столь большое введение об античной комедии. При этом введение носит описательный характер, и читатель, если он не является специалистом, не сможет выяснить причины того или иного направления римской литературы, социальную позицию писателя, причины заимствования или отбора писателем жанра и образов из другой литературы, их функцию и претворение этих образов в современной ему исторической действительности. У читателя явится, например, вопрос, какие исторические причины вызвали переход «древней» комедии в «среднюю» (стр. 10), почему «постепенно жанр средней комедии переходит в жанр новой комедии» (стр. 11), почему «с течением времени круг тем аттелланы значительно расширяется» (стр. 23), и т. д. В статье о Плавте отмечаются лишь внешние римские черты в его комедиях. Но комедия Плавта глубоко римская не только благодаря тому, что она иногда открыто порывает с греческой оболочкой; самый выбор греческих сюжетов и образов определялся римской действительностью; образы Плавта делались римскими и часто вызывались современными ему общественными условиями. Еще молодой П. А. Добролюбов, ученик проф. Благо-

¹ Ф. Е. Корш, «Adelfi», комедия П. Теренция, лекции Ф. Е. Корша, СПб, 1897 (литогр.); М. М. Покровский, P. Terenti Afri Adelphoe, лекции, чит. в 1915/16 г. на МВЖК, М., 1916, а также его введения и примечания к отдельным комедиям в издании русского перевода Теренция, исполненного А. В. Артюшковым.

вещенского, заметил, что в комедиях Плавта, при всей их греческой обстановке, зрители узнавали самих себя и свои нравы. Во введении можно отметить и некоторые неясные утверждения, например, на стр. 10 говорится, что комедия Аристофана «Плутос» имеет темой «разбор экономического вопроса», или на стр. 16: (у Менаандра) «видно тайное желание показать несправедливость сословных предрассудков» и др.

Несравненно более научно издан текст и написан сам комментарий. В основу латинского текста положено лучшее издание Теренция Кауэра и Линдсея (Оксфорд, 1926). Приходится лишь заметить, что едва ли следовало выделять обороты *accusativus cum infinitivo* и *ablativus abs.* запятыми и этим рассматривать их как придаточные предложения, которыми они совершенно не являются.

С. И. Соболевский правильно поступает, постоянно отмечая отличие языка Теренция от «классической латыни», но все же место языка Теренция в истории латинского языка и его развития указано не вполне четко. Дело не только в том, что язык Теренция менее архаичен, чем язык Плавта (стр. 49), что совершенно естественно, если иметь в виду время творчества того и другого, а главным образом в том, что язык Теренция представляет дальнейшее развитие латинского литературного языка, причем и язык Плавта представляет собой также уже складывающийся литературный язык, хотя еще очень близкий к общенародному языку. Относительно отдельных особенностей языка Теренция необходимо сделать некоторые замечания. На стр. 49 сказано: «Классическому сочетанию *ui* или *vi* у Теренция соответствует более древнее сочетание *uo* или *vo*». Но вернее сказать, что звук *o* в конечном закрытом слоге после *v* уже в эпоху Теренция в произношении перешел в *u*, хотя и в классический период в этих случаях все еще писали *o*, например *servos*¹. На стр. 50 говорится: «В *gerundium* и *gerundivum* 3-го и 4-го спряжения кроме слога *end* бывает слог *und*» — правильнее было бы говорить о суффиксе *ndo*, прибавляемом к основе с разной огласовкой — *e* и более ранней *o*, перешедшей в *u*². На той же странице отмечается, что у Теренция «в сложных словах обычно конечный согласный звук приставки не уподобляется начальному согласному звуку простого слова: *conloquar*». «Однако, указывается далее, из этого правила есть много исключений...» Но отсутствие ассимиляции было только на письме, в рукописях, а в произношении актеров ассимиляция несомненно везде соблюдалась. На той же странице говорится, что «род. п. ед. числа 4-го склонения иногда оканчивается на *uis*, но чаще всего на *i*: *fructi*». Здесь следовало разъяснить, что такие окончания в истории латинского языка свидетельствуют уже о начавшемся отмирании так называемого четвертого склонения. На стр. 51 нужно было оговорить, что род. п. ед. числа *nulli* вместо *nullius* — явление народного разговорного языка, стремившегося подвести род. п. ед. числа от *nullus* под более распространенную парадигму второго склонения.

Говоря о латинской метрике, проф. С. И. Соболевский утверждает, что латинское ударение было музыкальным, хотя в нем был и выдыхательный элемент (стр. 53). Но не во все эпохи истории латинского языка ударение в нем было одинаковым; так, в позднюю эпоху оно несомненно было динамическим; в «классическую» эпоху, какую, очевидно, и имеет в виду автор, наличие выдыхательного элемента в латинском ударении признается далеко не всеми исследователями. Некоторые считают классическое ударение исключительно музыкальным, другие (например, Нетушил, Фортунатов) — исключительно динамическим. В изложении закона сокращения ямба (— —) в пиррихий (— —) при скандировании ямбического сенария необходимо разъяснить, что иногда выделяется комплекс — — (бакхий), который при ритмическом ударе на втором долгом (— —) обращается в апает (— —), или выделяется комплекс — — (кретик), который при ритмическом ударе на кратком слоге (— —) обращается в дактиль (— —).

Что касается самого комментария, то комментирование отдельных стихов вызывает некоторые замечания. На стр. 128 говорится, что «*eidem* — древнее написание слова *idem*», однако правильнее сказать, что это вообще написание долгого *i*, встречающегося

¹ См. Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, М., 1949, стр. 48.

² См. Эрну, Историческая морфология латинского языка, М., 1950, стр. 207.

часто и в архаических надписях. Относительно чистой аллитерации у Плавта (стр. 132) следовало добавить, что аллитерация есть явление «народного языка», к которому в III — II вв. до н. э. был еще близок литературный язык. В конце ст. 31 ритмическое ударение приходится на первом слоге (*própitii*); здесь следовало указать, что в этих случаях, принимая во внимание частое совпадение в конце стиха ритмического ударения с прозаическим, многие ученые видят остатки архаического ударения на первом слоге (ср. ст. 346: *rélicuomst*, у Плавта *fámilia*, *mémínimus* и др.). В ст. 72 возможна и разговорная форма *benfíci* — во избежание прокелевсматика (*be nē fī cī*). В ст. 78 *ipsus* нужно объяснить как разговорно-народную форму (см. Эрну, ук. соч., стр. 117); а форму *siet* в ст. 83 — как по образованию оптатив, имеющий в латинском языке функцию конъюнктива. В ст. 97 и 456 не объяснено, почему местоимение *tu* не элидируется, но указаво, что на *tu* лежит логическое ударение (ср. *té inquam* в ст. 934). Следовало указать также на стр. 162, что *homo* в ослабленном значении «он» — народно-разговорное употребление, перешедшее во французское *on* при глаголе для выражения безличности. В ст. 106—107 imperf. coniunct. в главном и придаточном предложении ирреального, условного периода относятся к прошедшему времени; в комментарии это объясняется повторяющимся действием. Но, скорее всего, в языке Теренция разница между imperfectum и plusquam, coniunct. была лишь видовая: формы imperfect'a еще обозначали только несовершенный вид (инфект); а plusquamperfect'a — совершенный вид (перфект), безо всякого отношения ко времени ирреальности; вероятно, так надо объяснить и *oppressisset* в аподозисе ирреального условного периода в ст. 524; ср. случай, когда fut. II обозначается лишь будущее совершенного вида, например *abiero* в ст. 127 или *pugnaveris* в ст. 843. На стр. 164 отмечается, что *foris* отложительный падеж; но здесь следует, скорее, видеть локатив¹. Далее, не указывается, что в разговорном языке местоимение *ego* часто употребляется при глаголе и без ударения.

К ст. 155 следовало бы пояснить, что сцена, изображающая бегущего человека, умоляющего сограждан о помощи, была общим местом в комедии: например, у Плавта в комедии «*Aulularia*» так же вбегает Конгрион (ср. еще Rud. 615; Men. 1000 и др.). В ст. 245 *qui* не «старолатинский отложительный падеж», а в основе instrumentalis (см. Lindsay — Nohl, стр. 653). На стр. 196 дается правило: «Названия городов и небольших островов на вопрос „куда“ ставятся в вин. п. без предлога. Но по отношению к названию островов — говорится далее — из этого правила есть исключения и притом не только в древней латыни, но в классической. Так, например, in Sургum в ст. 278 и Cic., Ер. ad Att. V, 21,6. На самом деле «исключения» касаются не только названий островов, но и городов, например у Плавта в разговорном языке in Epidamnum (Men. 49) и др. На стр. 246 *ac* называется «укороченной» формой от *atque*; необходимо объяснить, как получилась эта синкопированная форма из дублетов *atque* и *ac*, как *petite* и *pes*. В ст. 612 весьма сомнительно измерение *débilia* в ср. р. с долгим *ā* для получения чистого хорямба, якобы происшедшим из слияния *o + a*. На стр. 320 следовало объяснить исторически двойное окончание *restim* и *restem*. В ст. 817 верно указывается, что *de lucro* по значению то же, что *lucri* в смысле род. разделительного, но здесь опять не поясняется этот факт в истории языка; не отмечается, что предложная конструкция представляет начало разговорного явления, аналитизма. И в других местах в комментарии недостаточно показано место явлений языка Теренция в истории латинского разговорного языка.

Еще несколько слов о метрике. С.И. Соболевский правильно отмечает связь стиха с содержанием, например, в ст. 319 указывает, что «большое число распущенных стоп выражает возбуждение говорящего»; то же наблюдается и в ст. 438; длинные трохеические стихи (ст. 155 сл.), как обычно, показывают большое волнение и возбуждение в диалоге Санниона и Эскина и т. д.

Вот какие замечания и дополнения к комментарию возникают при чтении этой комедии студентам. Эти дополнения вполне естественны, так как ни один комментарий не может дать исчерпывающего толкования текста.

¹ См., например, Lindsay — Nohl, Die lateinische Sprache, 1897, стр. 633.

К сожалению, в книге есть много опечаток—и в русском, и латинском тексте: стр. 164, 209, 217, 220, 222 и др.

Вместе с тем эти отдельные замечания вовсе не снимают общей положительной оценки новой книги проф. С. И. Соболевского. Эта книга, особенно в части комментария, является прежде всего хорошим пособием для студентов-классиков и аспирантов.

Проф. Н. Ф. Дератани